

В 2020 году исполняется 130 лет со дня рождения Пастернака. Он родился и жил в эпоху великих преобразований, переворотов, революций. Он пережил царя, временное правительство, три революции, две мировые войны... Все это не могло не отразиться на его поэзии. А о себе он писал в автобиографической повести «Охранная грамота» так: «Я не пишу своей биографии. Я к ней обращаюсь, когда того требует чужая... настоящего жизнеописания заслуживает только герой, но история поэта в этом виде просто непредставима».

По жизни Пастернаку везло. И, пожалуй, главным везением в его жизни была его творческая семья. Борис Леонидович Пастернак родился 29 января (10 февраля) 1890 г. в Москве. В семье молодого живописца Леонида Пастернака и пианистки Розалии Исидоровны Пастернак-Кауфман искусство сливалось с повседневностью.

Дома устраивались музыкальные вечера, на которых бывали друзья отца - Поленов, Левитан, Серов. Послушать известную пианистку приезжал Л.Н. Толстой. Одним из

ближайших друзей семьи был С. Скрябин. Он-то и пророчил Борису композиторское будущее, видя в нем необычайные музыкальные способности. Мальчик рос под звуки фортепиано, окруженный живописными работами отца. Музыка и живопись отразились в его поэзии - мелодичной и такой гармоничной!

Поэт писал: Я, сын художника, искусство и больших людей видел с первых дней и к высокому и исключительному привык относиться как к природе, как живой норме. Летом 1903 г. Б. Пастернак был поражен и очарован, услышав, как на соседней даче Скрябин сочиняет 3-ю симфонию. В этой гениальной, рождавшейся у него на глазах музыке, мальчик с удивлением узнавал окружающую природу, гудение леса, пение птиц. Борис отличался чрезвычайной впечатлительностью. Внешний мир с болью вторгался в его игры и сны.

«Лето»

Тянулось в жажде к хоботкам

И бабочкам и пятнам,

Обоим память оботкав

Медовым, майным, мятным.

Не ход часов, но звон цепов

С восхода до захода

Вонзался в воздух сном шипов,

Заворожив погоду.

Впечатление было таким сильным, что вызвало решение, не откладывая, профессионально учиться музыкальной композиции. Одновременно с гимназией он прошел предметы композиторского факультета консерватории.

«Лебеди»

Я клавишей стаю кормил с руки

Под хлопанье крыльев, плеск и клекот.

Я вытянул руки, я встал на носки,

Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.

И было темно. И это был пруд

И волны. - И птиц из породы люблю я,

Казалось, скорей умертвят, чем умрут

Крикливые черные крепкие клювы.

И это был пруд. И было темно.

Пылали кубышки с полуночным дегтем.

И было волною обглодано дно

У лодки. И грызлись птицы у локтя.

И ночь полоскалась в гортанях запруд.

Казалось, покамест птенец не накормлен,

И самки скорей умертвят, чем умрут,

Рулады в крикливом, искривленном горле.

Музыкальная одержимость Бориса дала – результат – ко времени возвращения Скрябина из-за границы в 1909 году, у Пастернака, по его словам, было несколько серьезных работ. Эти сочинения получили одобрение у Скрябина, юноше предсказывалось композиторское будущее. Но Пастернака удручало отсутствие у него абсолютного слуха, этой редкой способности угадывать высоту любой произвольно взятой ноты. Он оставил музыку оправдано для себя, неожиданно и огорчительно для окружающих.

Как прошло расставание с мечтой стать композитором поэт рассказал в автобиографической повести «Охранная грамота»: «...Больше всего на свете я любил

музыку, больше всех в ней Скрябина. Под влиянием обожания, которое я питал к нему, тяга к импровизациям и сочинительству разгорелась у меня до страсти. Меня прочили в музыканты, мне все прощали ради музыки. И, несмотря на это, я оставил музыку»...

Когда Борису было 3 года, родился его брат Александр, вскоре отцу предложили стать преподавателем Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Он получил мастерскую в главном здании и небольшую квартиру во флигеле, куда семья переехала осенью 1894 года.

В 1908 г. Борис поступает в Московский университет сначала на юридический, а затем на философский факультет. Он хочет проникнуть в суть вещей.

«Философия»

Во всем мне хочется дойти

До самой сути.

В работе, в поисках пути,

В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,

До их причины.

130 лет со дня рождения Бориса Пастернака

Автор: Администратор

10.02.2020 21:03 - Обновлено 10.02.2020 21:21

До оснований, до корней,

До сердцевины.

Все время схватывая нить

Судеб, событий,

Жить, думать, чувствовать, любить,

Свершать открытья.

О, если бы я только мог

Хотя отчасти,

Я написал бы восемь строк

О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,

Бегах, погонях,

Нечаянностях впопыхах,

Локтях, ладонях.

Я вывел бы ее закон,

Ее начало.

И повторял ее имен

Инициалы ...

Розалия Исидоровна, после нескольких блестящих концертных сезонов, перестала выступать перед публикой, посвятив себя заботам о муже и детях, которых вскоре стало четверо. Однако, заниматься она продолжала ежедневно и по многу часов, и уроки музыки были существенным подспорьем в бюджете семьи. Дома устраивались музыкальные вечера. У Пастернаков бывали приезжие музыканты, писатели и художники. Борис Пастернак считал обстановку родительского дома основой своего художественного становления. Впоследствии он писал:

«...Я Сын художника, искусство и больших людей видел с первых дней, и к высокому и исключительному привык относиться, как к природе, как к живой норме... Оно для меня слилось с обиходом».

В жизнь Бориса Пастернака входила поэзия – он начал писать стихи в 1909 году. Однако, первое время он не придавал им серьезного значения. Впоследствии Борис Леонидович писал о своих первых стихах так: «...В то время и много спустя, я смотрел на свои стихотворные опыты, как на несчастную слабость и ничего хорошего от них не

ждал». На пути от музыки к поэзии, в 1908 году он поступает на юридический факультет Московского университета, а в 1909 году по совету А. Скрябина, переходит на философское отделение исторического факультета. «...Философией я занимался с основательным увлечением, предполагая где-то в ее близости зачатки будущего приложения к делу».

Леонид Пастернак становился все более заметной фигурой артистической Москвы. Он много работал и успевал зарисовывать почти все, что видел дома, на прогулке, на вечерах.

В 1912 г. Б. Пастернак на Злетних месяца поехал в Марбургский университет, тогдашний центр философской мысли, где преподавали такие светила, как Наторп, Коген, Гартман. Город поразил его своим великолепием. «С десятого шага я перестал понимать, где нахожусь, - писал Пастернак. - Я вспомнил, что связь с остальным миром забыл в вагоне... Если бы это был только город! А то какая-то средневековая сказка!» Здесь же, в Марбурге, Пастернак встречает свою первую любовь. Он знакомится с дочерью чаеоторговца Идой Высоцкой и делает ей предложение. Девушка отвечает отказом. Это событие запечатлено в вершине любовной лирики поэта, стихотворении «Марбург», который бормотали на улицах студенты, сокурсники, провожая ее домой уже в конце 20-х годов из института.

«Марбург»

Я вздрагивал. Я загорался и гас,

Я трясся: я сделал сейчас предложенье, -

Но поздно, я сдрейфил, и вот мне - отказ.

Как жаль ее слез: я святого блаженней!

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен

Вторично родившимся. Каждая малость

Жила и, не ставя меня ни во что,

В прощальном значенье своем подымалась.

Плитняк раскалялся, и улицы лоб

Был смугл, и на небо глядел исподлобья

Булыжник, и ветер, как лодочник, греб

По липам. И все это были подобья.

Но как бы то ни было, я избегал

Их взглядов. Я не замечал их приветствий.

Я знать ничего не хотел из богатств.

Я вон вырывался, чтоб не разреветься...

Когда я упал пред тобой, охватив

Туман этот, лед этот, эту поверхность

(Как ты хороша!) - этот вихрь духоты...

О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнуто...

В университете Борис занимается с таким успехом, что ему даже предлагают через год вернуться в Марбург для защиты докторской степени. Занятия философией отразятся и в поэзии. Целый цикл Пастернак так и назовет «Заняты философией».

Это была большая честь для начинающего философа. Но Борис Пастернак, серьезно и глубоко занимаясь философией, в тоже время тяготился ее академической узостью. И решение – бросить философскую карьеру, было принято! После поездки в Марбург он решает бросить философию и всецело посвятить себя поэзии.

После короткой поездки в Италию, Пастернак вернулся в Москву.

Весной 1913 г. Пастернак блестяще закончил университет. Окончив университет, пробиваться в литературу, зарабатывая на свои скромные аскетические расходы трудом, знакомым ему еще с гимназических лет. Он давал уроки детям из состоятельных семей, и некоторое время преподавал на дешевых курсах для рабочей молодежи. Одновременно в созданном несколькими молодыми людьми издательстве «Лирика» вышел альманах, в котором напечатаны пять его стихотворений. Первым из них Пастернак неизменно потом открывал свои сборники.

«Февраль»

Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен

Чрез благовест, чрез клин колес

Перенестись туда, где ливень

Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,

С деревьев тысячи грачей

Сорвутся в лужи и обрушат

Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,

И ветер криками изрыт,

И, чем случайней, тем вернее

Слагаются стихи навзрыд.

Ещё в университетские годы у Пастернака сложились определенные взгляды, которые помогли ему в дальнейшем прожить годы войн и лишений. К таким представлениям относится его со временем возраставшее умение жить, ничего не скапливая, и не смущаясь потерями. «...Терять в жизни боле необходимо, чем приобретать. Зерно не даст всхода, если не умрет. Надо жить не уставая, смотреть вперед и питаться живыми запасами, которые совместно с памятью вырабатывает забвение».

Ни одно из юношеских занятий Пастернака не пропало даром. Его стихи и проза несут в себе явное свидетельство рано развившегося пластического восприятия, профессионального владения музыкальной композицией и сложившейся в университетские годы дисциплины мысли. Существовала какая-то таинственная, глубинная связь между обликом, психическим складом этого человека и характером его стихов. С первых шагов в поэзии он обнаружил особый почерк, особый строй средств и приемов. К стихам Пастернака надо было привыкать, надо было в них вживаться.

С 1914 Пастернак примыкает к содружеству футуристов «Центрифуга», близко знакомится с Маяковским. В 20-е годы он полностью отдается поэтическому творчеству. Выходит его сборник «Поверх барьеров», в котором он стремится встать «поверх» войны, «поверх» революции, «поверх» борьбы классов в стране и искусстве.

В 1914 году вышла книга стихов в том же издательстве под названием «Близнец в тучах». Позже автор сожалел об издании этой книги, сказав о ней: «...до глупости притязательно...».

Весной 1914 года произошла встреча Пастернака с Маяковским. Историю этого знакомства Борис Леонидович рассказал в повести «Люди и положения». «...Знакомство мое с Маяковским началось с полемической встречи двух враждовавших между собой футуристических групп, из которых к одной принадлежал он, а к другой – я. По мысли устроителей, должна была произойти некоторая потасовка, но ссоре помешало с первых слов обнаружившееся взаимопонимание нас обоих. Я очень любил раннюю лирику Маяковского. Это была поэзия мастерски вылепленная, горделивая, демоническая и в то же время безмерно обреченная, гибнущая, почти зовущая на помощь». Полюбив в Маяковском первого поэта и явного главаря футуризма, Пастернак стал строго исключать из своего творчества элементы романтического мировосприятия, так ярко проявившееся в судьбе Маяковского и его поэзии. С этого начинаются для Пастернака поиски самостоятельного пути в литературе».

Начало I-ой Мировой войны застало поэта под Алексиным на Оке, где он был учителем в доме поэта символиста Юргиса Балтрушайтиса.

Войну Пастернак воспринял, как крушение надежд своей молодости. В письмах к родителям трагическое описание страшного народного горя предвосхищает последующие трактовки этой темы в его прозе и стихах. На войну 1914 года он ответил призывом к гуманности, к сочувствию, желанием избавиться от «дурного сна» или, вернее, заснуть крепко, закрыть глаза перед страшным ликом жизни, уйти в любовные переживания.

Освобожденный от военной службы (из-за травмы ноги, полученной в детстве), он поехал на Урал, а затем в Прикамье конторщиком химических заводов, работающих на оборону. Край лесов, гор и больших рек, стал в представлении поэта местом жизненной эпопеи, требовавшей, чтобы он ее написал. Некоторые исследователи полагают, что в романе «Доктор Живаго» описаны именно эти места. Работа в конторе позволяла ему заниматься переводами и писать свое. Большинство сделанного в то время затерялось или было напечатано значительно позже. К концу 1916 года вышла в свет 2-я книга стихотворений Пастернака «Поверх барьеров». Посылая книгу Марине Цветаевой, 10 лет спустя в 1926 году, он пишет: «... страшная техническая беспомощность при внутреннем напряжении может быть, больше, чем в следующем книгах».

«Я понял жизни цель и что

Ту цель, как цель, и эта цель –

Признать, что мне неволю

Мириться с тем, что есть апрель,

Что дни – кузнечные мехи

И что растекся полосой

От ели к ели, от ольхи

К ольхе, железный и косой,

И жидкий, и в снега дорог,

Как уголь в пальцы кузнеца,

С шипеньем впившийся поток

Зари без края и конца.

Что в Берковец церковный зык

Что взят звонарь в весовщики,

Что от капели, от слезы,

И от поста болят виски».

Военные годы стали для Пастернака профессионально плодотворными – выявились и определились черты его мастерства, которые крепили и развивались в дальнейшем. Можно сказать, что в это время Б. Л. Пастернак взамен физиологического абсолютного слуха, отсутствие которого было поводом отказа от профессии композитора, вырабатывает и развивает в себе духовный абсолютный слух. «... Единственное, что в нашей власти – это суметь не исказить голоса жизни, звучащего в нас». Узнав о февральской революции, Пастернак вернулся в Москву. Написанная революционным летом 1917 года книга лирики «Сестра моя – жизнь» поставила Пастернака в число первых литературных имен своего времени.

Задолго до ее опубликования в 1922 году она приобрела известность в списках, ее издание вызвало восторженные отклики поэтов самых разных направлений: Валерия Брюсова, Марины Цветаевой, Владимира Маяковского, Осипа Мандельштама и др. Впоследствии Пастернак неоднократно говорил, что он всегда хотел писать именно так, как писал эту книгу, схватывая и запечатлевая жизнь, саму атмосферу жизни, без подчинения теме и сюжету.

«Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе

Расшибся весенним дождем обо всех,

Но люди в брелоках высоко брезгливы

И вежливо жалят, как змеи в овсе.

У старших на это свои есть резоны.

Бесспорно, бесспорно, смешон твой резон,

Что в грозу лиловы глаза и газоны

И пахнет сырой резедой горизонт...»

Когда произошла Октябрьская революция, Пастернаку было неполных 28 лет. Зрелый человек, владевший несколькими языками, музыкант, философ, поэт, известный в литературных кругах. Многие представители интеллигенции покинули Россию, уйдя в эмиграцию. Перед Пастернаком никогда не стоял этот вопрос – покидать или не покидать послереволюционную Россию. Еще задолго до революции молодой человек писал своему другу из Берлина: «...Господи! У меня голова кружится от счастья! Я вернусь на Родину, и эта Родина – Россия...». Это была привязанность именно к месту рождения, к родному языку.

Творческий подъем 1917 – 1918 годов дал возможность как бы по инерции написать следующую книгу стихов «Темы и вариации», но эта книга, упрочив имя поэта, однако внутренне означала для автора душевный спад, став для него объектом недовольства собой.

Постепенно он четко почувствовал, что извечный предмет – лирики – человек и состояние его души – потеряли право на существование. «...Стихи не заражают больше

воздуха, каковы бы ни были их достоинства. Разносящей средой звучания была личность. Старая личность разрушилась, новая не сформировалась. Без резонанса лирика немислима». Постепенно поэт свыкается с мыслью, что в такие времена поэзия становится безнравственной и поэт может существовать лишь сознавая свой долг, жертвуя прижизненной судьбой ради посмертной, временным ради вечного.

«Нас мало. Нас может быть трое

Донецких, горячих и адских

Под серой бегущей корою

Дождей, облаков и солдатских

Советов, стихов и дискуссий

О транспорте и об искусстве.

Мы были людьми. Мы эпохи.

Нас сбило и мчит в караване,

Как тундру под тендера вздохи

И поршней и шпал порыванье.

Слетимся, ворвемся и тронем,

Закружимся вихрем вороньим,

И – мимо! – Вы поздно поймете».

Мир вновь оказался восприимчив к эпосу и мифу, и Пастернак обращается к историческим сюжетам революции 1905 года, к легендарной фигуре лейтенанта Шмидта. Его поддерживает живущая в эмиграции Марина Цветаева. С ней он обменивается письмами, посылает только что написанные главы поэм «1905 год» и «Лейтенант Шмидт», при этом поэму «Лейтенант Шмидт» Пастернак посвящает Цветаевой, творчеством которой восхищался.

В 1921 году родители Пастернака и его сестры покидают советскую Россию и обосновываются в Берлине. Начинается активная переписка Пастернака с ними и русскими эмиграционными кругами вообще, в частности с М. Цветаевой. В 1922 году выходит программная книга поэта «Сестра моя – жизнь».

И в том же году он женится на художнице Евгении Лурье. Евгения Владимировна была талантливой портретисткой и нуждалась в освобожденном быте. Обустройством семейного очага больше приходилось заниматься поэту. Их совместная жизнь была полна ссор и раздоров. В разговорах постоянно мелькает тема развода. Евгения Владимировна мечтает о «лучшей доле». Тем не менее союз этот продолжался 7 лет, благодаря терпению и доброте Бориса Леонидовича. У Пастернаков было двое сыновей – старший – Евгений. Младший – Леонид. Евгений Борисович пастернак опубликовал очерк о жизненном и творческом пути отца – «Жизнь Художника».

«Никого не будет в доме»,

Никого не будет в доме,

Кроме сумерек. Один

Зимний день в сквозном проеме

Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев

Быстрый промельк маховой,

Только крыши, снег, и, кроме

Крыш и снега, никого.

И опять зачертит иней,

И опять завертит мной

Прошлогоднее унынье

И дела зимы иной.

И опять кольнут донине

Не отпущенной виной,

И окно по крестовине

Сдавит голод дровяной.

Но нежданно по портъере

Пробежит вторженья дрожь,-

Тишину шагами меря.

Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься из двери

В чем-то белом, без причуд,

В чем-то, впрямь из тех материй,

Из которых хлопья шьют.

На конец 20-х – начало 30-х годов приходится короткий период официального советского признания творчества Пастернака. Издаются его книги, а критики с удовольствием размещают в прессе положительные отзывы. Правда, поэту приходилось читать нарекания за некоторую вычурность.

Итоговыми работами периода 1929- 1931 годов стали поэмы «Спекторский» и повесть «Охранная грамота», в которой Пастернак изложил свои взгляды на внутреннюю суть искусства и его значение в истории человеческого общества. Снова и снова поэт подтверждает свою решимость писать, преодолевая собственные поэтические навыки, жить несмотря на опасности и трагические перемены.

«О, знал бы я, что так бывает,

Когда пускался на дебют,

Что строчки с кровью – убивают,

Нахлынут горлом – и убьют!...

От шуток с этой подоплекой

Я б отказался наотрез.

Начало было так далеко,

Так робок первый интерес.

Но старость – это Рим, который

Взамен турусов и колес

Не читки требует с актера,

А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,

Оно на сцену шлет раба,

И тут кончается искусство,

И дышат почва и судьба».

Пастернак принимает активное участие в деятельности Союза писателей СССР. Его большой однотомник с 1933 по 1936 годы ежегодно переиздается. Познакомившись с Зинаидой Нейгауз, в то время женой пианиста Нейгауза, вместе с ней в 1931 году совершает поездку в Грузию, где знакомится с грузинскими поэтами и их творчеством. Но в 1932 году, прервав первый брак, женится на Зинаиде Нейгауз, уведя ее от своего друга. Став новой музой поэта, она появилась как раз тогда, когда поэту нужен был упорядоченный образ жизни, домашний уют, порядок.

«Любовь»

Любить иных – тяжелый крест,

А ты прекрасна без извилин,

И прелести твоей секрет

Разгадке жизни равносильна.

Весною слышен шорох снов

И шелест новостей и истин.

Ты из семьи таких основ.

Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,

Словесный сор из сердца вытрясть

И жить, не засоряясь впредь,

Все это – не большая хитрость.

Это – о ней, вдохновительнице, друге, жене. Жизнь Зинаиды Николаевны сложилась так, что красавица пианистка, она, защищая интересы Пастернака, вынуждена была заниматься “прозой жизни”, домом, семьей. Спустя много лет, в 1958 году, в своем письме к Ренате Швейцер, немецкой писательнице и поэтессе, Пастернак писал: «Я взял ее с бою. Она была замужем за другим. Две семьи были разрушены. Мне было нелегко: я не наделен даром жестокосердия и бесчувствия... Жена достойна любви, благодарности и восхищения...».

Когда в жизни Пастернака появилась другая женщина (о ней речь пойдет позже) Зинаида Николаевна великодушно терпела. Он не мог жить вне дома, вне обычной для него обстановки, вне родни и круга старых друзей. После смерти Бориса Пастернака Зинаида Николаевна осталась без средств к существованию. Книга Пастернака не издавали, пенсию ей получить не удалось. 28 июля 1966 года после тяжелой болезни Зина Николаевна умерла.

А между тем надвигалась вторая половина 30-ых годов. Страну накрыла волна политических репрессий. Выступая в 1934 году на Всесоюзном съезде советских писателей, Пастернак призывал: «Не жертвуйте лицом ради положения». Над его

головой стали сгущаться тучи, поэту дали понять, что ему не избежать ареста.

«...Именно в 1936 году, когда начались эти страшные процессы, все сломалось во мне, и единение со временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал, я ушел в переводы. Личное творчество кончилось. Оно снова пробудилось накануне войны, может быть, как ее предчувствие, в 1940 году». Так вспоминал Борис Пастернак через 20 лет. Речь идет о цикле стихов «Переделкино», который Пастернак считал открытием возможностей писать с новой для него простотой и ясностью.

«Поезд ушел. Насыпь черна.

Где я дорогу впотьмах раздобуду?

Неузнаваемая сторона,

Хоть я и сутки только отсюда.

Замер на шпалах лязг чугуна.

Вдруг что за новая, право, причуда?

Бестолочь, кумушек пересуды.

Что их попутал за сатана?

Где я обрывки этих речей

Слышал уж как-то порой прошлогодней?

Ах, это сызнава, верно, сегодня

Вышел из рощи ночью ручей.

Это, как в прежние времена,

Сдвинула льдины и вздулась запруда.

Это поистине новое чудо,

Это, как прежде, снова весна».

С 1936 года поэт поселяется в подмосковном поселке Переделкино. С середины 30-ых годов и до конца жизни одним из главных занятий Пастернака становится переводческая деятельность. Он переводит трагедии Шекспира, Шиллера, «Фауста» Гете и многое другое, стремясь при этом не к передаче языковых особенностей оригинала, но, напротив, к созданию «русского Шекспира». Эти переводы были не только источником заработка, но давали ему нравственную опору в жизни. Всего Пастернак перевел 8 трагедий.

Одновременно он переводил и грузинских поэтов. И так вышло, что переводы эти дошли до Сталина и, более того, очень ему понравились. Есть воспоминания свидетелей о поведении Сталина, когда ему доложили, что готовится арест Пастернака. Вождь внезапно вслух произнес грузинские стихи в переводе Пастернака:

Цвет небесный, синий цвет,

Полюбил я с малых лет,

С детства он мне означал

Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг

Я вершины дней своих,

В жертву остальным цветам

Голубого не отдам...

А потом Сталин добавил: «Оставьте его, он - небожитель». В начале сороковых годов после долгого перерыва Пастернак вновь начинает писать стихи, которые вошли в книгу «На ранних поездах».

В начале Великой отечественной войны Пастернак добивался разрешения уйти на фронт, но был с семьей эвакуирован в г. Чистополь на Каме, где в ту пору жили другие писатели. В 1943 совершил поездку на фронт, результатом чего явились очерки «В армии», а стихи «Смерть сапера», «Ожившая фреска», «Победитель» вошли в книгу «На ранних поездах», в которой предстает образ автора как гуманиста и патриота.

И вот пришло заветное мгновение:

Он разорвал осадное кольцо.

И целый мир, столпившись в отдалении,

В восторге смотрит на его лицо.

Как он велик! Какой бессмертный жребий!

Как входит в цепь легенд его звено!

Все, что возможно на земле и в небе,

Им вынесено и совершено.

Радость победы в войне возрождала надежды на долгожданное обновление общества. Но радостные предвестия свободы оказались ложными, и в их свете Пастернак начал писать роман Доктор Живаго - свое последнее, любимое и трудное дитя. Над этой книгой он работал более 10 лет, она бы ла завершена в 1956 году, получив окончательное название «Доктор Живаго».

«Собственно, это первая настоящая моя работа. В ней я хочу дать исторический образ России за последнее 45-летие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печального и подробно разработанного, как в идеале, у Диккенса и Достоевского, - эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое...»

7 мая 1958 г. Пастернак в письме Ренате Швейцер написал о прототипе образа Лары из романа “Доктор Живаго”. «...Во втором послевоенном времени я познакомился с молодой женщиной – Ольгой Всеволодовной Ивинской... Она и есть Лара моего произведения, которое я именно в это время начал писать.. Она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. По ней не заметно, что она в жизни перенесла...Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела...».

С Ольгой Ивинской Пастернак познакомился в 1946 году в редакции журнала «Новый мир». Она была заведующей отделом начинающих литераторов. Ей было 33 года. К тому времени в жизни Ольги Всеволодовны было уже много трагедий – самоубийство первого мужа, смерть от болезни второго, осиротевшие дети... И вдруг, по словам Ивинской “...обрушившееся, нагрянувшее, крошечное счастье вперемежку с мучительными объяснениями. Имели ли мы право на это счастье? Мы не раз уходили друг от друга, чтобы больше не встретиться, но не встречаться не могли...”

Впрочем, жизненные невзгоды никак не отразились на ее внешности. Ольга была необычайно хороша — нежная, женственная, с огромными глазами и золотистыми волосами. Их любовь вспыхнула, как свеча, жизнь вплелась в роман, а роман стал жизнью.

Мело, мело по всей земле

Во все пределы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

Как летом роем мошкара

Летит на пламя,

Слетались хлопья со двора

К оконной раме.

Метель лепила на стекле

Кружки и стрелы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

На озаренный потолок

Ложились тени,

Скрещенья рук, скрещенья ног,

Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка

Со стуком на пол.

И воск слезами с ночника

На платье капал.

И все терялось в снежной мгле

Седой и белой.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

На свечку дуло из угла,

И жар соблазна

Вздыхал, как ангел, два крыла

Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,

И то и дело

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

Однажды вечером Ольгу Ивинскую увезли на Лубянку. Пастернак был уверен: Ольгу посадили из-за него — «чтобы на мучительных допросах под угрозами добиться достаточных оснований для судебного преследования». «Ее героизму и выдержке я обязан тем, что в те годы меня не трогали», — был убежден поэт. Ивинскую приговорили к пяти годам лагерей. У Пастернака случился инфаркт.

Идеологический погром, начавшийся с августа 1946 года ждановским постановлением, сопровождался волнами новых репрессий. Пастернак жил в сознании, что его с минуты на минуту могут арестовать.

«Гул затих. Я вышел на подмости.

Прислонясь к дверному косяку,

Я ловлю в далёком отголоске

Что случится на моём веку́.

На меня наставлен сумрак нѳчи

Тысячью биноклей на осѳ.

Если только можно, Авва, Отче,

Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.

Но сейчас идѳт другая драма,

И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,

И неотвратим конец пути.

Я один, всѳ тонет в фарисействе.

Жизнь прожить — не поле перейти».

Однако история на этом не закончилась... Во время разлуки Пастернак писал Ивинской письма и посвящал стихи. После возвращения из лагеря она была по-прежнему неотразима. Любовь вспыхнула с новой силой. Ивинская взяла в свои руки издательские дела поэта и переехала жить поближе к писателю, сняв комнату в Переделкине. Поэт в буквальном смысле дневал и ночевал у нее. Он даже «узаконил» их отношения, сказав Зинаиде Николаевне, что теперь будет жить там, где захочет. Но из семьи не ушел и от налаженного быта не отказался.

Не плачь, не морщь опухших губ,

Не собирай их в складки.

Разбредишь присохший струп

Весенней лихорадки.

Сними ладонь с моей груди,

Мы провода под током.

Друг к другу вновь, того гляди,

Нас бросит ненароком.

Пройдут года, ты вступишь в брак,

Забудешь неурейства.

Быть женщиной – великий шаг,

Сводить с ума - геройство.

Но как не сковывает ночь

Меня кольцом тоскливым,

Сильней на свете тяга прочь

И манит страсть к разрывам.

Роман о Юрии Живаго и стихи, написанные от его имени. Стали выражением радости, преодолевающей страх смерти. «...По наполнению, по ясности, по поглощенности любимой работой жизнь последних лет почти сплошной праздник души для меня. Я более чем доволен ею, я ею счастлив, и роман есть выход и выражение этого счастья».

Работа над романом, которую Пастернак рассчитывал закончить за 2-3 года, растянулась на целое десятилетие. Тем не менее «Доктор Живаго» был закончен и разослан в редакции. Однако его издание затянулось еще больше, более чем на 30-летие. В Советском Союзе никто не решался напечатать его. В 1956 г. Пастернак дал согласие на публикацию романа в Италии.

130 лет со дня рождения Бориса Пастернака

Автор: Администратор

10.02.2020 21:03 - Обновлено 10.02.2020 21:21

Выход итальянского перевода остановить было невозможно. И роман, запрещенный на Родине более чем на 30 лет, выходит в Италии в 1957 г. За этим последовали зарубежные и русские издания и переводы практически на все языки мира. Пастернак становится знаменитым на весь мир.

Быть знаменитым некрасиво.

Не это подымает ввысь.

Не надо заводить архива,

Над рукописями трястись.

Цель творчества - самоотдача,

А не шумиха, не успех.

Позорно, ничего не знача,

Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,

Так жить, чтобы в конце концов

130 лет со дня рождения Бориса Пастернака

Автор: Администратор

10.02.2020 21:03 - Обновлено 10.02.2020 21:21

Привлечь к себе любовь пространства,

Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы

В судьбе, а не среди бумаг,

Места и главы жизни целой

Отчеркивая на полях.

И должен ни единой долькой

Не отступаться от лица,

Но быть живым, живым и только,

Живым и только до конца.

С 1946 года Пастернак 7 раз выдвигался на Нобелевскую премию по литературе. Победа оказалась равной поражению. В 1958 г. стало известно о присвоении Пастернаку Нобелевской премии «за выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и продолжение благородных традиций великой русской прозы». Это было мировое признание, но....

Разразился скандал на политической основе. Поэта вызвали к Генеральному прокурору и предъявили обвинение по статье «Измена Родине». На общем собрании Союза писателей был поставлен вопрос об исключении Пастернака из Союза писателей и лишении его советского гражданства.

Я пропал, как зверь в загоне.

Где-то люди, воля, свет,

А за мною шум погони,

Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,

Ели сваленной бревно,

Путь отрезан отовсюду,

Будь что будет, все равно.

Что же сделал я за пакость,

Я убийца и злодей?

Я весь мир заставил плакать

Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,

Верю я, придет пора,

Силу подлости и злобы

Одолеет дух добра.

Ответивший первоначально благодарностью за заслуженную им награду, Пастернак через неделю травли и угроз был вынужден отказаться от премии. Телеграмма: Стокгольм. В шведскую академию. «В связи со значением, которое придает награде то общество, к которому я принадлежу, я должен отказаться от присужденного отличия. Не сочтите за оскорбление мой добровольный отказ...» Б. Пастернак»

После отказа Пастернака международный скандал утихает, но страсти переходят на бытовой уровень. Гонорары за переводы не выплачиваются, договоры расторгаются, спектакли по переводам Пастернака сняты из репертуаров театров. Жить не на что.

Но газеты пишут, что Пастернак получил миллионы за изданный в Европе роман. На самом деле он занимает на жизнь. Тем временем, юридическая коллегия по иностранным делам сообщает Пастернаку, что у него на счетах в Швейцарии и Норвегии большая сумма денег.

130 лет со дня рождения Бориса Пастернака

Автор: Администратор

10.02.2020 21:03 - Обновлено 10.02.2020 21:21

Пастернак просит ЦК о получении некоторой суммы с обязательством передать часть денег в помощь престарелым писателям. В ответ от Пастернака требуют отказаться от всех гонораров, но перевести их полностью в Москву и передать в официальный комитет защиты мира.

О, знал бы я, что так бывает,

Когда пускался на дебют,

Что строчки с кровью - убивают,

Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой

Я б отказался наотрез.

Начало было так далеко,

Так робок первый интерес.

Но старость - это Рим, который

Взамен турусов и колес

Не читки требует с актера,

А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,

Оно на сцену шлет раба,

И тут кончается искусство,

И дышат почва и судьба.

Нелегкая действительность существования не нарушала поддерживаемый всеми силами ритм работы Пастернака. Новые стихи, которые он начал писать, составили его последнюю книгу «Когда разгуляется». На пороге своего семидесятилетия он начинает писать пьесу о России времен крепостного права. Название пьесы «Слепая красавица» - символ исторического образа России.

С начала 1960 года Пастернак стал чувствовать себя хуже. Он отчетливо осознал неизлечимость своей болезни. 30 мая 1960 года Б. Пастернака не стало. Он был похоронен в Переделкине, где жил многие годы.

Анна Ахматова написала о Пастернаке:

Он награжден каким-то вечным детством,

130 лет со дня рождения Бориса Пастернака

Автор: Администратор

10.02.2020 21:03 - Обновлено 10.02.2020 21:21

Той щедростью и зоркостью светил,

И вся земля была его наследством,

И он ее со всеми разделил.

Борис Леонидович Пастернак прожил свою жизнь именно так, как ему хотелось: “ни единой долькой не отступаясь от лица”. Имя Пастернака навсегда останется в истории русской литературы: людям всегда будут нужны его одухотворенные чудесные и полные жизни лирика и проза. Недаром именно к нему обращены строки Е. Евтушенко из поэмы “Братская ГЭС”:

Дай, Пастернак, смещение дней,

Смещение веток,

Сражение запахов, теней

С мученьем веки,

Чтоб слово, садом бормоча,

Цвело и зрело,

Чтобы вовек твоя свеча

Во мне горела.

С тех пор прошло много лет. Многократно издан «Доктор Живаго», печатаются массовыми тиражами, о которых автор не мог и мечтать, его стихи и проза. Его читают, о нем много говорят и пишут. Все это заставляет с горькой радостью вспомнить слова, сказанные Пастернаком за два года до смерти: «Вероятнее всего через много лет после того, как я умру, выяснится, какими широкими, широчайшими основаниями направлялась моя деятельность последних лет, чем она дышала и питалась, чему служила».

Наследие Б. Пастернака законно входит в сокровищницу русской и мировой культуры нашего века. Оно завоевало любовь и признание самых взыскательных и строгих ценителей поэзии. Знание этого наследия становится насущной необходимостью... и поводом для раздумий над коренными вопросами человеческой жизни...

Давай ронять слова,

Как сад — янтарь и cedру,

Рассеянно и щедро,

Едва, едва, едва.